

ВЕЛИКАЯ БУДНИЧНОСТЬ

К 85-летию Александра Вампилова

АНГЕЛ-ТО КТО? Неужели Хомутов, ни разу не навестивший мать, таскавший в кармане большие для тогдашнего времени деньги, решивший их отдать тому, кому нужнее всего маюущимся похмельем: мол, низина жизни выигрывает.

Но Вампилов выстраивал пьесы по законам высоты: в них звучал катарсис, отливал медью вечности, играл солнцем духа.

...ах, как страдают похмельем двое командировочных! Как известно всё и всем, долго живущим в России, как нудно и непонятно разворачивается дальнейшее.

Но пьеса динамична.

Более того, кажется порой, что иные реплики пылают, призывая... к тотальному постижению жизни и банальности доброты.

Банальности, которая никогда не соотрётся.

Таёжный райцентр, местная чайная, героиня, влюблённая в следователя.

Будничность: та великая будничность, что и определяет жизнь; но такая она повседневность, что за ней необходимо обнаружить нечто высокое, световое, иначе — крапты.

Бездна пустоты затянет, рутина всё съест.

Шаманов не обращает внимания на Валентину, потом внезапно проявляет к ней интерес, обретая новый мир, как пьяница, выходящий из запоя.

Многие сцены вампиловских пьес залиты алкоголем: национальный колорит? Да нет, большее — острота, с которой души, спрятанные в кожаных мешках, воспринимают реальность, — острота такая, что только с алкоголем и можно жить...

Много налито в стаканы и в "Утиной охоте", до которой не доехать, из которой не выбраться.

Точно...

Точно жизнь — своеобразная охота на собственную сущность, ибо поиска уже мало.

Плох ли Зилов, или слаб?

И то, и другое в нём смешано, да ещё и хорошего, тонкого добавлено, точно каждый человек — смесь в алхимическом сосуде судьбы, и ничего уж с этим не поделаешь...

Но кто определяет пропорции в сосуде? А. Вампилов унёс тайну эту в глубину вод, а ведь кажется — знал ответ...

ШУТКА ШУТКЕ РОЗНЬ, и мальчик, появившийся в квартире Зиловой с похоронным венком, на лентах которого значится его имя и фамилия, не в курсе ритмов розыгрыша.

Сны во многом определяют реальность, причудливо искажая, не то дополняя её (не даром "Бег" Булгакова вместо действий оперирует именно снами), и Зилов, воображая себя умершим, подчинён сновидческой стихии больше, чем реальности.

Небрежность, скука, уверенность в своих силах причудливо мешаются в Зилове, организуя орнамент его личности; решая вместо статьи сдать проект реконструкции завода, пылящийся второй год, Зилов одновременно получает письмо от отца, в котором тот сообщает о скорой своей смерти, но Зилов отмахивается: мол, пишет не первый раз.

И впереди утиная охота...

Она всегда впереди. У всех, ибо все чего-то ожидают, ибо человек не может, не умеет не гнать время, ибо, оказавшись в пункте ожидания, получает новую порцию разочарований.

В общем, "Утиная охота" Вампилова достаточно безнадёжна, чтобы позволить светиться розовым шаром оптимизму.

Конечно, принесут телеграмму: отец умер.

Конечно, будут сборы и суеты, не венчающиеся ничем — ведь впереди утиная охота.

Она впереди у всех: мужественная игра или щемящее приключение, нечто, бушующее радостью или искривляющее состав дной.

Когда друзья, позванные Зиловым, приходят в кафе "Незабудка" (название вполне символично: большую часть своей жизни не следует забывать, хотя хочется), Зилов уже пьян.

Он начинает бושевать, разоблачая гостей, целясь к ним.

Он нехорош. Не приятен.

Вместе — он не положительный и не отрицательный: он своеобразный... разорванный персонаж: веско подходящий к нашему времени, когда пятидесятiletние и старше люди, прожив изрядный кусок жизни в СССР, оказывались

в каком-то фантазмагорическом, непонятном мире.

Но Зилов целиком из советского времени. Звучат реплики, хлещут, играют, сталкиваются. Впереди — утиная охота...

БУДЕТ ИСПОЛНЕНО грустно "Прощание в июне": следует из названия, пусть июнь, пусть лето, которое кажется бесконечным...

Она добрая, пьеса Вампилова "Прощание в июне", она трогательная, насколько наивная: но как хороша эта детская наивность, отчасти — растерянность перед миром.

Прощаться, однако, не легко — настолько же, насколько сложен выбор: особенно тот, что должен оказаться правильным.

В драматургии Вампилова много поэзии — она мерцает зыбкими серебристыми отливами в недрах реплик, вырываясь в действительность, выплёскиваясь, обжигая порой.

Грустно.

Грустная поэзия: густая, как скорбь.

В пьесах Вампилова жалко всех, или почти всех; он высоко пронёс факел страдания, обязательный, коли речь о большом литературном даре для русского пантеона.

Выбор, нравственная дилемма — всегда чётко, водяными знаками выступают в сочинениях драматурга; но преподносится сие без дидактики, через образный строй повествования, через суммы реплик, конечно.

Колесов и Таня, Букин и Маша — столь разные пары, но, как у всех влюблённых, у них есть и нечто общее: тонкий горизонт сходства, прочерченный остро, однако может поранить.

Счастливого финала не будет — он будет открытым в жизнь, истолковывайте, как хотите, не забывая о мире других, не забывая, что вселенная — единый организм...

Мы слабо чувствуем это, не имея возможности убедиться научно в правдивости утверждения. Тем более — через мир наших чувств.

Зилов будет, как живой труп; но всё равно — через оптику и акустику Вампилова, через грани его экрана, направленного на мир, идёт свет, приглушённый порою, но отчётливый, ясный.

Какое светлое послевкусие остаётся от "Старшего сына" — дерзкая хохма: мол, переночуем, а там... оборачивается драмой, многослойной и многоступенчатой, с различными ответвлениями; однако всё равно — к финалу собирается световая сумма, побеждающая невзгоды.

Жизнь — слишком щедрый дар, она оправдывает собою все несчастья — с лихвой.

А вот "Дом окнами в поле" — чудная сельская зарисовка, в нежно-акварельных тонах исполненная.

Сельский учитель возвращается в город, отработав несколько лет в тихой школе, и то, как прощается с односельчанами, овеяно грустью и кажется высоким: человечно-простым, хлебно-добрым.

Пение под гармонику или просто игра на ней.

Персонажи, очерченные чётко, и снова — финал, открытый в жизнь, в ощущения каждого. Не самая известная, но такая характерная для Вампилова пьеса.

У него очень характерный стиль, по черк построения образа. У него очень значительное, лучшее наследие — у драматурга и человекознатца Александра Вампилова.

ОН ПОБЕДИЛ в борьбе с волокнами волн; он выжил, чтобы создавать пьесы, — с характерами ещё более глубокими и ситуациями, какие ещё сильнее просвечивают характеры суммами характеристик...

Зилов — но осветлённый: Зилов, несущий в себе черты и чеховских героев, и Достоевских, становится страдальцем, выходит на новые рубежи осознания яви...

Или нет: Вампилов пишет пьесы, где не нужны страдания, ибо все чисто и без этого, настолько, что суммы сияний исходят от персонажей.

Нет, он утонул. Так было, и отрицать факт столь же бесплодно, сколь нелепо отдаваться игре фантазий.

Есть ли победившие в "Старшем сыне"? Есть необыкновенная грусть человеческих взаимоотношений, словно призыв звучит: надо быть добрее друг к другу.

Призыв звучит, тонкая мелодия шуток двух балбесов оборачивается просвеченными разным характерами; и Леонов — легендарный Евгений Леонов — снова выходит с подушкой, обретая старшего сына.

Растянется история с метранпажем: шаровая ли шутка? Или виртуозно написанный водевиль? Всё совершенно по-своему у Вампилова, но нечто чеховское мерцает всё же таинственными разводами характеристик человека.

От Островского или Булгакова-драматурга ничего не найти.

"Прошлым летом в Чулимске", таёжный райцентр, узел любовных отношений.

Натянутые нити вибрируют, охватывая определёнными волнами зрителей. Туго даётся жизнь. Она туго даётся всем персонажам Вампилова: страдающим и радующимся, грустящим и теряющим себя...

И гроздь их, персонажей, сделана столь значительно, что мелодии нежности продолжают звучать, вливаясь в сердца зрителей новых поколений.

Александр БАЛТИН

1812: ДО И ПОСЛЕ

О выставке «Москва и москвичи в эпоху Александра I»

"Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приёмный дар —
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе в думы погружён,
Глядел на розный пламень он..."
Александр ПУШКИН

ЕСЛИ БЫ НЕ ПЕПЕЛИЩЕ 1812 года, Москва имела бы совсем иной облик. Разумеется, пожары случались всегда и везде, но такого хтонического ужаса не знали даже привычные москвичи — деревянные кварталы Первопрестольной вспыхивали часто. Благодаря водевилям и костюмным мелодрамам война с Наполеоном выглядит, как романтическая прогулка, но реальность куда как жёстче — после Бонапарта мир восстанавливался очень долго, и "Москва, спалённая пожаром", по сути, выстраивалась заново.

Со школьных лет всем памятен этот фрагмент: "Огня пожаров нигде не было видно, но со всех сторон поднимались столбы дыма, и вся Москва, всё, что только мог видеть Пьер, было одно пожарище. Со всех сторон виднелись пустыри с печами и трубами и изредка обгорелые стены каменных домов. Кое-где виднелись уцелевшие церкви. Кремль, неразрушенный, белел издалика с своими башнями и Иваном Великим. Вблизи весело блестел купол Ново-Девичьего монастыря, и особенно звонко слышался оттуда благовест.

Благовест этот напомнил Пьеру, что было воскресенье и праздник Рождества Богородицы. Но казалось, некому было праздновать этот праздник: везде было разоренье пожарища, и из русского народа встречались только изредка обормотанные, испуганные люди, которые прятались при виде французов".

Допожарная архитектура в столице — редкость, и её особо ценят краеведы, устраивающие экскурсии по "уцелевшим" островам дивной старины. Жизнь москвича, будь он аристократ или портняжка, разделилась в 1812 году на "до" и "после". Возвращались к уголкам и копоти. Петербургский свет в эти моменты жил своей привычной суеютой — званые ужины, концерты, интрижки. Корсиканскому чётру хотелось именно Москву — он не был туп, напротив, а был гением — ждал ключи от Кремля, а не от Зимнего. Об этом и предполагается порассуждать на выставке "Москва и москвичи в эпоху Александра I", проходящей в комплексе Царицыно.

Вот — яркое, хотя излишне пафосное полотно немца Альбрехта Адама "Наполеон в горящей Москве", написанное уже в 1840-х, когда война сделалась почти легендой. Смятенный Бонапарт напоминает героя античной трагедии, а дым — красив, как рокайльные облака, зато фон выписан по-тевтонски тщательно, и у нас есть возможность рассмотреть все нюансы Москвы-полыхающей. В пару к "Наполеону" — "Совет в Филах" Алексея Квищенко, написанный ещё позже, в 1880 году, но попавший во все учебники по истории. На выставке есть многое из того, что мы уже видели и знаем, и это помогает освоиться в удивительном пространстве Царицына.

До и после 1812-го. Быт и нравы. Император Александр — купидон или "плевший щёткой" (по мнению Пушкина), триумфатор и — властитель слабый да лукавый? Представлены карты и документы, платья для балов и визитов, наряды мешанок и купчих, предметы быта, портреты современников и — картинки, показывающие, сколь не похожа была Москва рубежа XVIII — XIX столетий на то, что мы сейчас наблюдаем даже в центре. До изобретения фотографии большим спросом пользовались "виды" городов, поместий и прочих окрестностей. Существовали целые плеяды художников, специализировавшихся на "veduta". Требовалась пунктуальность и отражение любой мелочи,

пусть и сомнительной (к слову, этот мотив разыгран в кинодраме Питера Гинюэ "Контракт рисовальщика").

Ведуты выполняли и архитекторы, допустим, сам Джакомо Кваренги, чью панораму Кремля можно увидеть на экспозиции. Рисунки Огюста-Антуана Кадоля также известны, а здесь показаны его знаковые рисунки с изображением Тверской улицы и Кузнецкого моста в 1825 году. Судьба Кадоля — как авантюрная книжка. Впервые он попал в Россию вместе с войсками Наполеона, очутился в плену, бежал, а потом, в 1820-х, вернулся уже как мэтр и создал картины русской жизни. Француз сердечно восхищался городом, заново родившимся из пепла в короткие сроки.

Не было недостатка и в отечественных мастерах — тому примером фотографически точная работа Фёдора Алексеева с Китайгородской улицей, частью стены и "московскими типами" — господами в карете, мужиками, торговкой. Москва была пестра, и, как сказал Пушкин, в ней имелось всё: "Бухарцы, сани, огороды, / Купцы, лагузчики, мужики, / Бульвары, башни, казаки, / Аптеки, магазины моды, / Балконы, лавы на воротах / И стаи галок на крестах".

Невероятно хороши картины профессора Академии художеств, педагога Максима Воробьёва — Кремль со стороны Устьинского и Каменного мостов.

Вот — подробнейшая карта города, сделанная в 1825 году. Крохотна была Москва — эта резная шатулочка! Ещё в начале XX века сохранились примерно эти же границы Москвы исторической, а все те районы, где мы теперь обитаем, основаны уже при советской власти, застроены хрущёвскими палатами и расцвечены пименовскими "Свадьбами на завтрашней улице".

А тут мы видим конечные пункты "цивилизации" — Рогожка, Пресня, Семёновская, Дорогомиловка. Дальше — как писал Пушкин: "Только вёрсты полосаты / Попадают одна".

УСТРОИТЕЛИ погружают нас в атмосферу эпохи, проводя по "кабинетам", "уголкам отдохновения" и пышным "столовым". Роскошен обеденный стол. Приятны глазу кресла. Зритель может наблюдать меблировку тех лет, часы, портреты, книги. Человеку, искусённому в стилях, захочется проследить, как строгий, чуть холоднаватый ампири превращался в затейливый бирдермейер, ибо разумная простота начинала раздражать, уступая место лепоте и "фестончикам", тонко высмеянным Николаем Гоголем.

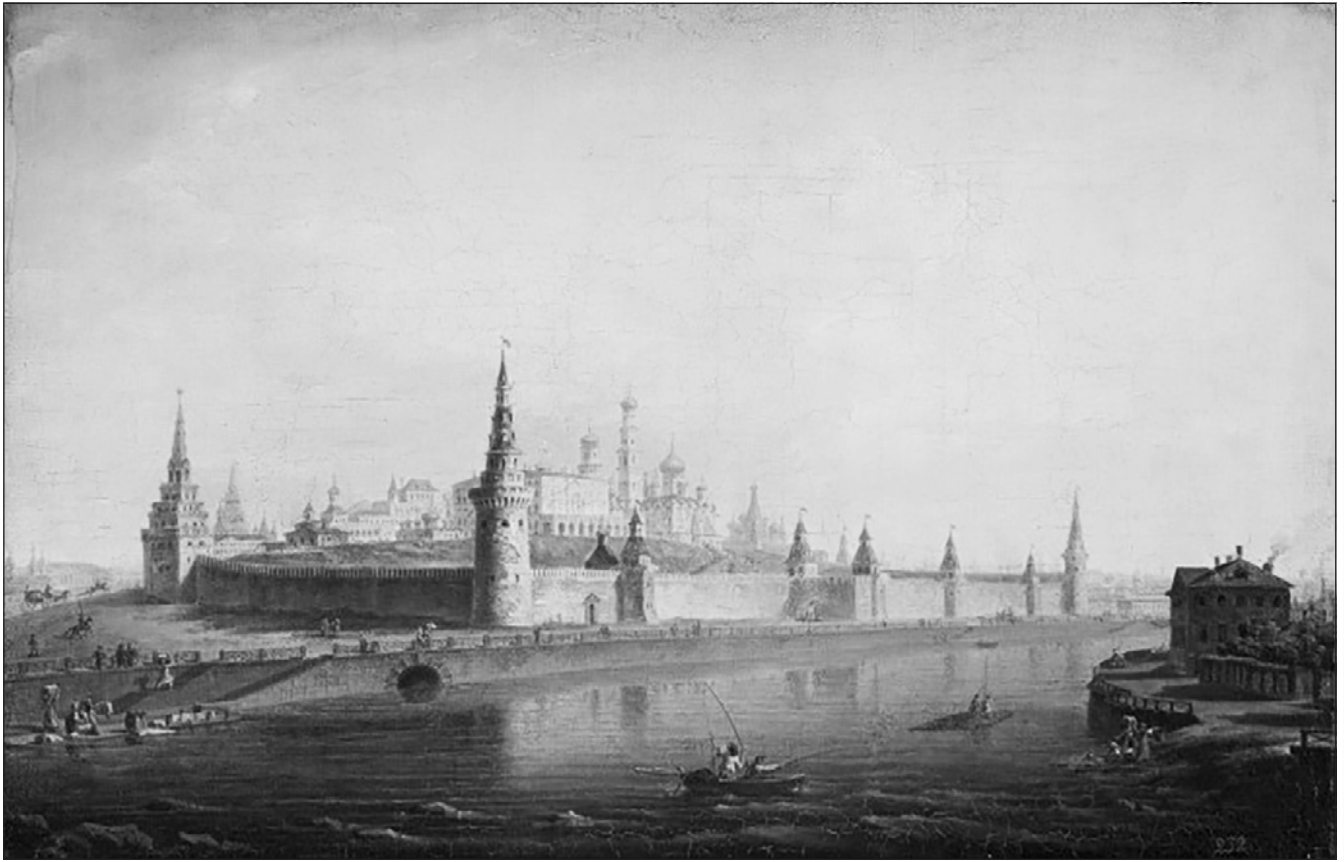
Стати, о фестончиках! Значительное место отведено костюмам 1800-1820-х годов, что позволяет воскресить в памяти образы и типы, вкусы и пристрастия. Покрой менялся так же, как и общие формы дизайна — от лаконичности ампирических складок до прихотливых роз и буфов бирдермейера. Завышенная талия постепенно занимала своё природное место; одностонность вызвала зевоту; начиналось буйство цветастых принтов, введённых в моду англичанами.

Что оставалось неизменным — это страсть к шалям, лучше всего индийским, но возможны и турецкие. Впрочем, всю контрабанду в те лета стряпали в Польше, и московские лавки были забиты "настоящей кашмирской продукцией" Лодзинской выделки. Шали стоили баснословно дорого — ими хвастались, в них позировали, их передавали по наследству. На экспозиционных витринах — несколько вариантов восточных шалей. В идеале их носили сообразно платью, и у богатой женщины имелось до десяти штук. Умение поигрывать шалью — такое же искусство, как манера обмахиваться веером среди жара гостиных, освещаемых сотнями, а бывало и тысячами свечей.

А вот и веера, которые в начале XIX века отличались малыми размерами, поэтому костюмеры фильма "Война и мир" совершили ошибку, вручая Элен-Жихарев так описывал купеческую "ярмарку" невест: "По всей набережной стояло и прохаживалось группами множество молодых женщин и девушек в довольно богатых нарядах: штофных, бархатных и парчовых шубах и шубейках. Многие из них были бы очень милыми, если бы не были чересчур набелены, наруганы и насурьмлены, но при этой шуткалке и раскраске они походили на восковых кукол". В этих смотрах не было ничего дикого или оскорбительного; у дворян подобные "ярмарки" происходили на балах — Татьяну Ларину мать привезла именно в Москву для поисков жениха. В Петербурге весь этот "естественный отбор" вуалировался словесами и зфемизмами, а выражение "ярмарка невест" не присутствовало в лексиконе.

Итак, экспозиция — обширна. Тут и макеты двorcов, и бюсты императора, и образцы военной формы. Всё это объединяет любовь к Москве, которую искренне выразил поэт, воин и москвич Денис Давыдов: "О юности моей гостеприимный кров! / О колыбель надежд и грёз честолюбивых! / О кто, кто из твоих сынов / Зреп без восторгов горделивых / Красу реки твоей, волшебных берегов, / Твоих палат, твоих садов, / Твоих холмов красноречивых!"

Галина ИВАНКИНА

Вид Московского Кремля со стороны Устьинского моста. Художник Максим Воробьёв (1818 г.)

ГЕНИИ МЕСТА

Фестиваль «Традиция» в Усадьбе Захарово

В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ А.С. Пушкина и парке Захарово 20 августа состоится седьмой литературно-музыкальный фестиваль "Традиция". В этом году он проходит при поддержке Президентского фонда культурных инициатив, Министерства культуры и туризма Московской области и Администрации Одинцовского городского округа Московской области.

"Традиция" — семейный фестиваль для любителей искусства всех возрастов. На один день Усадьба и парк Захарово становятся пикником под открытым небом, где в разных уголках происходят разнообразные события: музыка, поэзия, литература, философия, история. Особая

атмосфера "гения места" делает "Традицию" уникальным фестивалем — ведь именно здесь, на территории Усадьбы в Захарово, маленький Пушкин и учил русский язык, слушая сказки Арины Родионовны. В этом году на площадках фестиваля состоится более 50 событий. В программе — спектакли, концерты, творческие встречи, поэтические чтения, игры, мастер-классы, ярмарка и лавки с традиционной русской едой.

С 11 часов дня и до позднего вечера на территории парка и Усадьбы гостей фестиваля ждут лекции Захара Прилепина, Александра Дугина, Евгения Фатеева, Михаила Трофименкова, Праздничный хор Данилова монастыря, "Калинов Мост", Аким

Апачев и Дарья Фрей, Сергей Старостин, "волшебный голос" Евгения Смоляниновой, ансамбль древнерусского певческого искусства "Сирин", Елена Фролова, "Казачий кругъ", Таисия Красноповьева, поэты Дмитрий Володеников, Анна Ревякина и Анна Долгарева, группа "Джанго", Пётр и Полина Лундстремы и многие другие. Ежегодно фестиваль собирает 15 000 гостей из Москвы и всего Подмосковья. Тех, кому интересна история культуры, искусства, история страны. Каждый год организаторы составляют разные программы, переосмысливая взгляд на традицию, чтобы под разными углами показать современность и вместе с этим вечность тех ценностей, которые составляют основу русской культуры — связь времён и поколений.

Авторы фестиваля Захар Прилепин и Эдуард Бояков.

Вход свободный. Захарово находится в часе езды на электричке от Белорусского вокзала (Московская область, Одинцовский район, ж/д станция "Захарово"). Наиболее оптимальный маршрут на автомобиле — по Можайскому шоссе.

Подробная программа на сайте фестиваля "Традиция": traditionfestival.ru